

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ФИЛИПП ОЛЕС

Серпантин

Филипп Олес Серпантин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38268120

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11706-8

Аннотация

В мире, безразличном к твоей одиозной персоне, оставь жалобы тем, кто будет с интересом их слушать, уступи причитания тому, кому действительно необходимо высказаться, придержи искренность для того, что найдет в таких словах поэму, и выбери ту, которая помогла найти себя самого. Дизайн обложки был создан с помощью магазина фриланс-услуг Kwork пользователем kriabkova. Содержит нецензурную брань.

Филипп Олес

Серпантин

1

Я не буду называть своего имени, так как у различных народов оно будет носить свою этимологию и тайный смысл. Не поведаю вам о количестве лет, что эта планета носит мое брненное тело, ведь оно не расскажет ни об уровне моего познания, ни о моей мудрости. Не распространюсь по поводу своей геолокации, потому что остерегаюсь заранее привитых стереотипов, присущих каждой культуре и их образу мышления. Так же, не вдамся в подробности относительно времени и пространства, в котором я зафиксирован во Вселенной.

Еще много таких «не» готов я озвучить прямо сейчас, но боюсь, в таком случае, у меня не хватит времени на все остальное. К тому же, занудно-пресным тоном повествования очередного нытика, разочаровавшегося в жизни, вы можете насладиться абсолютно в любом месте, любого города, любой страны.

Не знаю, зачем я появился на этой тропе самопознания, может, для выслушивания умопомрачительных историй от нищих мыслителей с улиц, или для всего, что идет после этого: просветлений, нравоучений, наставлений, указаний, управлений, созерцаний, обсуждений, осуждений, порицаний, отрицаний, отвращений, оскорблений, унижений и из-

гнаний. Полный список вы можете отыскать в словаре, где под обозначением слова фрустрация будет моя стремная фотграфия из паспорта.

Общаться со мной начинать не стоит. Серьезно. Никакие «интроверт ищет интроверта» со мной не работают. Будьте вы хоть мужчиной или женщиной, богатым или бедным, умным или отстающим, верующим или атеистом – все это не имеет веса, потому что первое слово навстречу кому-то всегда исходит от меня. А это происходит очень редко.

Веселитесь, улыбайтесь, берите все от каждого момента, устраивайте: праздники, семейные пикники, турпоходы, горнолыжный курорт, кружки по интересам, минуты славы, корпоративы, пляжный волейбол, шашлыки на даче, сбор грибов, вышивание, чтение-писание-рисование и прочие виды развлечений, в которое вы не должны меня затягивать крючком позитива.

Как будто меня кто-то услышит.

Пожалуйста, избавьте меня от мучений адских и дум тяжелых, что я веду изо дня в день с сам собой, прокручивания тысячи вариаций вопросов и миллионы каталогизированных ответов на них, разветвленных паутиной, каждой ниточке которой предназначается разная судьба.

Судьба существует только в общеизвестном определении обывателей. Возможно лишь отчасти предугадать события, не более. Причинно-следственная связь, являющаяся фундаментом нашей жизни, которая каждый день, каждую се-

кунду предоставляет нам выбор, структурирующийся в последовательную цепочку происшествий.

Вот, решу я завтра уехать изучать древние боевые искусства в дали от всего мира, и что? Что, если так называемая судьба раскладывает карты так, чтобы я поехал именно туда и занялся именно тем, чем хотел заняться, что в дальнейшем дарует мне смерть от мочи горного козла? Или она хочет наоборот, испытав мой страх, убедить меня в том, что дальние путешествия – не лучшая идея, и практичней бы мне умереть здесь, рядом с домом?

Я опять несу чушь самому себе. Это как уменьшить и посадить в голову ненавистного тебе человека, а потом, не прекращая, слушать его радиоэфир. Меня вконец расплавил от многочасового ожидания своего момента.

Озлобленность, сменяющая недовольство, витает в воздухе свинцовым туманом. Это борьба скорее не на смерть, а на продолжение жизни: запах старой бабки (вовсе не благородный), гвалт тысячи охрипших ртов, километровые очереди, больше напоминающие человеческую многоножку, душные помещения со спертым воздухом из-за огромного количества народа. Острые локти подле стоящих людей впиваются в бок, кислород расходуется медленно, чтобы не упасть в обморок, соленый пот льется градом, обжигая сухую потрескавшуюся кожу, сознание мутнеет, не давая сосредоточиться больше чем на одной простой мысли: «Когда же придет мой час?». Минуты превращаются в часы, однако складыва-

ется ощущение, что ты пробыл в этом странном чистилище по меньшей мере несколько дней. Какой грех ты отмаливаешь? Какой круг ада ждет тебя следующим? Кто последний к психиатру? Ты робко задаешь вопрос и становишься частью толпы, мутирующей в агрессивный коллективизм.

Моя очередь.

Вылетаю, сломя голову, из этого дурдома. Воздух. Холодный зимний воздух наполняет мои легкие и дышать становится проще. Сердце больше не бьет в колокол, а высохший пот придает лицу глянцевоый оттенок.

Настал день. День моей выписки из лечебницы – дома с заблудшими душами, лазарета для людей себе на уме, санатория для возвращения в себе заболеваний и отклонений, места, откуда выбираются по собственной воле по окончании срока, либо не выбираются вовсе. Я состоял в числе первого списка среди всех остальных, кому удалось без ущерба для себя успешно завершить эту чехарду.

С огромным облегчением покидаю это место.

Осмотрев себя на предмет старческих брызжаний, морщин, панталонов, второго подбородка и обвисших багровых сосков-конусов, нахожу только первое и немного успокаиваюсь. Я еще не стар, и это внушает оптимизм.

Сказал я, и тут же столкнулся с проблемой сохранения нужной температуры тела. Зубодробящий холод в середине весны – обычное дело в наших краях. Потрепанному плащу остается сочувственно согласиться со мной и сделать вид,

что он все-таки меня согревает.

Встречать меня никто не стал. Удивляться этому и отчаиваться не стоит. У больного воображения всегда есть, чем себя занять.

Вот, например, качель, приводимая в движение то ли ветром, то ли человеком, недавно побывавшем на ней, неспешно совершала свой переход из потенциальной энергии в кинетическую.

Она пустая, как и вся остальная площадка. Как и окна домов, под неутомимым надзором которых она находится. Как и люди, спешащие по неведомым, кроме них, делам. Как и, возможно, весь окружающий нас мир. Пилигримы волей обстоятельств, странники своей собственной жизни, послы чужих желаний, сборники недооцененной справедливости – все это мы и в тоже время кто-то другой.

Качель останавливается. Нет, неверно. Мы просто не представляем ее модель движения. Мы не додумываем, не воображаем, забыв на секунду о законах природы. Нам не нужна лишняя трата энергии. Довольствие постоянством – вторая натура.

Блуждая по здешним местам, я незаметно для себя забрел на небольшую алею ведущую вверх. Каждый шаг навеивал воспоминания о прошлом: горечь и стыд неудач, радость и ликование побед, смятение и примирение с волей случая. Того человека уже не существует. Все что делает меня мной – мои прошлые копии растворившиеся в огромном сосуде из

костей и мяса и перемешанные в один коктейль естества.

Качель остановилась. Я побрел дальше с мыслями о том, что завтра это повториться снова. Это будет что-то новое, измененное моим сегодняшним присутствием. В лучшую сторону, надеюсь.

Или один, уже из немногочисленных, красновато-желтых кленовых листьев, под натиском чрезмерно оригинальной и агрессивной инстаграм-фотосессии, ослабил концы узла, на стебле которого он держался на протяжении суровой осени, и все-таки потерял свою хватку. Пальчато-сетчатое жилкование, уже истратившее свою пигментацию, слегка подъеденные то ли тлей, то ли молью, края и сердцевинки – он продолжал держать в себе секреты, за столь небольшой промежуток жизни, отведенный ему временем.

Падая вниз, он вспоминал былые события, предстающие перед его взором, аки свет в конце тоннеля перед приходом смерти: распри двух крупных бизнесменов о ценности продуктов; влюбленных лобызавшихся парочек на скамьях, ловящих брезгливые взгляды окружающих; грызни собак за главного в стае самца; детские шалости с палками и камнями; друга, что в один день готов пойти на край света за тобой, а в другой – при удачной возможности, готов превзойти тебя во всем; воссоединение старых приятелей – тех, что прошли войну, террористические акты, эпидемии, геноцид, инфляцию, девальвацию; рокеров с сальными волосами, горланивших песни невпопад на расстроенных гитарах, давно выпав-

шие из своего времени; пьяные драки; поножовщину за пачку сигарет; философские разговоры на лавке в 5 утра; вечно орущих соседей из полуразрушенных хрущевок; перегонки с ментами; отстегивание последней мелочевки на дешевый пивас; узурпаторство, царящее повсеместно в каждом ебучем дворе этого прогнившего общества; потушенную об руку сигарету; пощечину, убивающую человека, как личность; беспощадные и бессмысленные терки с бабками, которые все равно «не поймут нашего новомодного, пиздейшего поколения», поколения, которое мы же сами потеряли.

Чей-то одинокий силуэт промелькнул между толстыми колоннами забора из железных прутьев, что окружал это место. Странно.

Тем временем мое бездыханное, по ощущениям, тело продолжает влачить существование сквозь угрюмо-серые декорации, переполненными пустыми людьми и несбыточными мечтами.

Остаточный поток сознания со скрежетом простирается через скомканные и вывернутые наизнанку мысли о недавнем прошлом, практически настоящем, закончившимся раньше срока. Будто бы время отдали кому-то более нуждающемуся в нем, как отдают сердце, умершего в автокатастрофе бедолаги, человеку с разрывом аорты.

Так вот, где же я?

До ближайшей остановки было не меньше двух километров. За то время, что я тщетно пытался закурить сигарету,

капли дождя, объединившиеся в злом стоворе с ветром, по скорости давно перешедшим за нулевую отметку, обдирали меня слой за слоем, как луковицу, и мне пришлось выругаться такое количество раз, что данный рекорд по количеству нецензурной брани в значительной степени превышал все вместе взятые тарантиновские фильмы.

Обойдя заправку, я достиг пункта назначения. И что я увидел? Мост, пересекающий реку, и плавно ведущий к длиннющей трассе, окруженной пестрым лесом.

Тишь да гладь. Не было слышно даже пение птиц. Все, что выделялось из обозримого мной ботанического сада с помещью постапокалипсиса, это квадратная, кирпичная остановка без малейшего намека на то, куда и откуда должен следовать автобусный рейс с данной точки. Если таковой вообще имеется.

Ждать не люблю, но другого выбора нет.

С горечью собираю по кусочкам огромный пазл из воспоминаний: из плохих и хороших моментов, из сомнительных и дельных идей, из глупых и мудрых мыслей, из скромных и импульсивных действий, не упуская ни одной детали, ни одного крошечного события. А в дальнейшем, предварительно вставив пазл в чересчур большую деревянную рамку, я повешу его на стену, чтобы каждый раз, проходя мимо и довольствуясь полученным результатом, подсознательно доказывать себе то, что способен улучшить начатое, бесконечно заполняя картину, ведь границы ее размыты, а потенциал к

наполнению безграничен.

Время подходит к полудню, я стою на том же треклятом месте и курю, как будто во мне устройство, подающее мне эту никотиновую дрянь автоматически. Замерзаю, как черт знает кто, гоняю подмёрзший лист и с треском ломаю его.

Так тянулись минуты, томные часы ожидания транспорта. Кажется, я остался последним из людей на планете. Нужно срочно предпринимать все возможные меры по спасению человечества: найти себе допотопную Шеврале Импала и гнать на ней со всей дури по пустынной марсианской дороге под песню «Джефферсон Аэроплан», жадно глотая воздух, и искать женщину в подвенечном платье, терроризирующую тебя на вступление с ней в брак для продолжения рода!

А, нет, обошлось. Вдалеке виднеется автобус.

Наверно, каждый, совершая обычную поездку в автобусе и слушая музыку, испытывал редкое, но необыкновенное ощущение экстаза, протекающее по всему телу, словно сквозь каждую клетку проводят низковольтные разряды, одаривая их энергией и силой.

Нет? Вы многое упустили.

Я прорываюсь через толпу холодных и серых незнакомцев, делаю из них страйк, сажусь на свободное место, втыкаю наушники, запускаю свой плейлист, включая оглушающую музыку: от релаксирующей, до классической, с каждой секундой повреждающую барабанные перепонки, закрываю глаза и погружаюсь в чудесный мир, закрома вселенной, где

выстроенные и доведенные до ума диалоги всегда воспроизводятся при разговоре, а выдуманные забавные ситуации, с невероятной проработкой истории, всегда достоверно воплощаются в жизнь.

Толпы людей со мной больше нет – она растворилась, исчезла, я один в неудобном, трясущемся автобусе, который везет долгие километры до дома, но в мгновение ока он превращается в комфортабельный шаттл класса люкс, бороздящий просторы темного, глухого, безбрежного, но в тоже время поражающего своим величием космоса.

Продолжая простираться через непроглядную черноту на своем личном звездолете, с закрытыми глазами я вижу пилотов, не отвлекающихся от радаров, несколько стабилизирующих кресел, на одном из которых удобно располагаюсь я, капсулы для гибернации, закрепленные к полу тренажеры, вертикальные кровати, медотсек, еду в тубиках зубной пасты и прочие средства гигиены и приспособления для личного пользования.

Поворачиваю голову и через огромные позолоченные иллюминаторы, больше напоминающие толстенную лупу, лицезрю едва уловимый свет дальних звезд, что добирался до меня миллиарды лет, пролетающие мимо кометы и астероиды, скопления галактик, различный космический мусор и мертвую, приковывающую взгляд, пустоту. Время замедляется и становится вязким, нестабильным.

Кажется, я попал в черную дыру, проник в портал в иное

измерение или это просто небольшие перегрузки заставляют все тело покрыться мурашками, а чистый поток энергии пронзая меня, бросает в дрожь и трепет. Я чувствую себя всего, мысли далеки от этого мира и тела, теряясь в другой реальности, я, тем не менее, чувствую сближение со своей планетой и в этот кульминационный момент мое сознание достигает небольшого просветления.

Кажется, моя остановка.

Сразу говорю, что ни коим образом не собираюсь отвлекаться на вещи, препятствующие моей священной миссии на сегодняшний вечер – причудливым образом превратиться во вдрызг пьяную неваляшку и чудом добраться до дома. В этом мне поможет мой старый знакомый близлежащий обрыганский бар.

«The color of my sea, perfect color me».

Слагают легенды, что когда-то давно, еще во времена Викторианской эпохи, на этом месте стоял знатный бордель, наполненный куртизанками высшего класса, способных исполнить любую твою прихоть, вплоть до самых мелочей. Естественно, один из богатых вельмож, случайно «пострадавший» от зубов одной из таких распутных дев, устоять в совершении мести не смог и придался соблазну азарта, предложив пари на неподъемную, по тем меркам, сумму.

Шутка, дорогая и труднозатратная по выносливости, заключалась в том, что шлюха должна была сосать столовую ложку до тех пор, пока очи толстого богатея не прикажут со-

мкнуться.

Так прошел день, два, третий подходил к концу, знатный мужичок все держался, что не сказать о барышне, чьи зубы практически сточились о металл, десна пошли кровью, а язык язвами и волдырями, сочащимися гноем. На четвертый день изможденная девица сдалась, выронив из трясущейся руки окровавленную ложку и, с трудом прошептав что-то на ухо вельможе почти не работавшей челюстью, отдала концы. Тот в миг побледнел и ринулся прочь домой. На утро же его находят мертвым с откусанным членом, вложенным в рот и запиской в руке: «Теперь не кусаюсь».

Бредовая байка, конечно, но все же один раз, сидя за средним столом, я почувствовал неприятный холодок в промежности. Я не суеверный, но больше туда не сажусь. Скорее всего, продувает из какой-нибудь щели.

И вот я уже на пороге. Дошел до края мира, моего второго дома и по совместительству альма-матер. Слегка дрожащими холодными руками я открываю дверь и захожу в заведение. Обитель пуста и это хорошо. Сейчас нет никакого желания заводить бесед и уж тем более слушать лязг ядовитых языков.

В колонках играет знакомый мотив: «Listen to the stars till your hell your wounds, and get a lover, to get a lover». Знакомый, потому что повторяющийся каждые пять минут.

Бармен, изрисованный хаотичным набором татуировок, лениво потирает уставшую шею, молодой официант, кото-

рого я вижу здесь впервые, долбит пальцами по смартфону, постукивая каблучком ботинка по стойке. Спустя пару секунд он окидывает прищуренным взглядом, полным безразличия, зал и неохотно начинает плестись в мою сторону.

– Меню? – сухо спросил он.

– Пинту вашего лучшего пенного напитка! – доношу бодрым голосом.

– Имеете ввиду тот единственный сорт солодового экстракта из мертвых собак, со вкусом плевков и хозяйственного мыла, выдохшийся, как марафонец после дистанции, что до сих пор находится у нас в разделе слабоалкогольных напитков?

А я уж думал, что только мои шутки порой вызывают дискомфорт. Что принято делать в таких случаях: посмеяться над импровизацией или помочиться ему на лицо за отвратное обслуживание?

– Именно это мне и нужно! Неси скорее, моей верный слуга, вместе с бутылкой хорошего виски, разбавленного апельсиновым соком, сегодня я изволю кутить!

– Апельсинового, как и других соков, нет.

– Кола?

– Вряд ли.

– Энергетик?

– Не думаю.

– Хотя бы лед положите.

– Растаял. Но я могу немного подморозить некипяченую

воду.

– Постарайтесь.

Посмотрев на меня взглядом, от которого я начал тупеть, он крутанулся на каблуках и пошел за стойку.

Дорогой дневник, сегодня очередной придурок испортил мне день. Грустный смайлик.

Не став дожидаться разлива, я прошел во второй зал и уселся на крайнее место, заметив в дальнем углу девушку, отрешенного потягивающую тонкую сигарету через мундштук.

Интерьер бара схож с винным погребом: затемненное ламповое освещение, обшарпанные столы из красного дерева, покрытые плотной белой скатертью, фотографии достопримечательностей иностранных городов, висящие на оштукатуренных стенах матового оттенка, черно-красный плиточный пол, придающий дополнительную гармонию окружению, а также бесчисленное количество увядающих фикусов, неустойчивых вешалок и забронированных столов, за которыми обычно никто не сидит.

Из-за слабо работающих вытяжек сигаретный дым заставлялся густым туманом, вытесняя собой воздух и забивая легкие едкими осадками. На полуживом плазменном телевизоре со сломанными кристаллами нон-стопом крутят попсовые клипы, для «особых обывателей» этого места изредка сменяют канал с «топа пятидесяти хитов этого лета, о которых никто не слышал» на футбольные матчи.

Посоветовал бы я этот бар кому-то из живущих на этой планете? Определенно нет. Стал бы я ходить в более престижные заведения, будь у меня социальный статус чуть выше низшего класса? Вряд ли.

Здесь всегда царила атмосфера андеграунда, пьяных дебатов, страстного туалетного совокупления и непрекращающегося копания в своих неудачах. Здесь протекает жизнь, сумасшедшая, придурковатая, отдаленная от остального серо-будничного существования.

Это навеивает типичную ностальгию о былом – тех днях с вечно молодыми, пьяными и беззаботными максималистами, культурными революционерами, борцами с системой и просто славными малыми – о нас самих. Вернее, о тех, кем мы являлись до того, как столкнулись с суровой действительностью – несправедливо относящегося к нам мира, с непониманием старшего поколения, а потом и вовсе сверстников, с отрицанием всего и вся, медленно перетекающим в смирение и покорность, выбор между менее худшим результатом из возможных плачевных.

Закуриваю сигарету и начинаю присматриваться к девушке, сильно диссонирующей с данным заведением. Опущенные до плеч волосы, легкий макияж, на черно-белое платье накинута кофта смешанного цвета, похожая на вигвам. Пепельница полна окурков, значит сидит здесь приличное время. Или просто слишком часто курит? Курит много от стресса? А, может, кого-нибудь ждет?

– А ты подойди и спроси, – громко сказала она.

Будь мой кишечник полон, я бы точно наложил в штаны. Чтение мыслей, управление разумом, невероятная интуиция, – все и сразу подумалось мне. Но, скорее, ответ куда очевиднее – мои детективные навыки ни к черту, и она просто поймала мой взгляд оценки внешности.

Сделав первые живительные глотки амброзии, что была недоступна мне долгое время, я на секунду закрываю глаза.

Эйфория, экстаз, блаженство, нирвана, зависимость, вредная привычка, проблемы со здоровьем, смерть. Все это в одном удивительном напитке, который может стать тебе кем угодно: другом на вечер, собеседником, решением вопроса, перемирием, антидепрессантом, лекарством от шума в голове и наружных проблем, активатором творческого потенциала, элементом расслабляющего и раскрепощающего действия, а также личным инструментом саморазрушения.

В какой-то момент даже появляется желание поучаствовать в пьяной драке. Вообще-то я не драться не люблю, предпочитая дипломатичное решение конфликта тупому мордобою, но в данный момент так и хочется получить по морде, взбодриться, и, опрокинув двадцатую стопку виски, сыграть в бильярд на последние деньги, едва держа в руках кий, как стриптизерша без конечностей шест.

Нужно подойти. Неловко сидеть в тишине в разных концах зала, ожидая, пока один из нас не впадет в алкогольную или никотиновую кому.

Прикончив свой бокал и сунув под мышку виски, я повторяю заказ у проходящего официанта и направляюсь в сторону девушки.

И вот, я сижу напротив нее, ерзая на диване в поисках удобной позы. Вблизи она выглядит еще лучше, что вдвойне является странным.

Я тушевался, как черт знает кто. Несколько раз убедился в ровно расставленных сосудах на столе. Я перфекционист, отчасти. Некоторые мелочи, выходящие за рамки прямых линий, нарушающие ровное положение вещей, начинают меня смущать. Я бы продолжил свою мысль, сказав, что меня еще очень беспокоит ОКР, но в данный момент на меня сильно давят зеленые глаза девушки, подведенные стрелкой, которые сверлят во мне дыру.

Опасаясь одного – расспросы про личную жизнь, интересах, вкусах, предпочтениях, хобби и прочей мути, которую ты пересказываешь разным людям на протяжении всей жизни, добавляя с каждым разом все больше и больше нового.

Девушка терпеливо смотрит на меня, как на ребенка, от которого ждут первого слова. Она взяла новую сигарету. Я спохватился и чиркнул своей Зиппо, дав прикурить. Ментоловый привкус дыма очень органично сочетается с ней.

– Ты что-то хотел спросить? – начала она.

Прозвучит банально, но я настолько околдовался ее бархатным голосом, что вмиг забыл контекст вопроса.

– А? – переспросил.

– Вопрос.

Вопрос? Я должен ответить или задать? Но какой? Имя? Семейное положение? Статус в обществе? Так уж ли плоха группа «Никельбэк»?

– Ладно, сколько с меня? – спрашиваю первое, что пришло в голову.

– Ты о чем?

– Сколько за ночь?

– Ты принял меня за эскортницу? Вот это номер.

Она осуждающе подняла правую бровь, посмотрев на меня уничтожающим взглядом, но вскоре его отвела.

– Нет, прости меня, я чертов кретин, – прошу я. — Не знаю, почему в мою больную голову взбрело именно эта версия. Наверно, не привык видеть столь роскошных женщин в подобных заведениях без сопровождения. Если здесь и появляются представительницы прекрасного пола, то только запустившие себя мымыры с затяжной депрессией.

– У меня затяжная депрессия, – холодно ответила она.

Да, в общении с девушками равных мне по силе глупости не сыскать. Скорее всего, она сейчас просто уйдет, а я провалюсь от стыда в пучины неудачных начинаний бесед.

Учитывая вялое состояние, небрежный вид, сомнительно свежий запах тела и пониженное либидо, вероятность на успешное овладение женским телом и разумом ровняется одному Скотту Пилигриму.

Но она продолжила сидеть и через несколько секунд вы-

молвила:

– Не бери в голову, ты извинился, это осталось в прошлом, зачем возвращаться обратно?

– Я совершил глупость, только и всего.

– Глупость. Совершил. Прошедшее время. Ради чего ты так усердно поднимаешь эту тему?

Кажется, я понял ее игру.

– Получается, следуя твоей логике, преступление, измена, предательство, сокрытые ранее, но всплывшие на поверхность и предавшиеся огласке в споре, решающий окончание диалога и отношения между двумя индивидуумами, стоит списать со счетов? Так можно оправдать любое совершенное действие, ведь оно уже случилось, было начало и конец, а теперь просто отправилось из нашей жизни в старую коробку с игрушками на чердаке.

– Ты всегда говоришь длинными оборотами речи, пытаешься вместить в них как можно больше сложных слов, чтобы показать себя невероятно начитанным? – улыбнулась она.

– Нет, это случается произвольно. Вообще, я не особо общительный, поэтому говорю не со всеми, редко и метко, донося только главную суть и избегая пустой болтовни, – честно ответил я.

«When I say nothing, I say everything».

Удовлетворенная ответом, она промолчала, затянувшись через длинный мундштук, причудливые узоры которого гармонично лежат на темно-красном оттенке.

– Так что начет прошлого? – спрашиваю, после небольшой паузы.

– А что с ним не так?

– Ты подводишь к тому, что жить нужно настоящим, не так ли?

– Не совсем. Прошлое – альбом со старыми фотографиями. Толстый, тонкий, синий, красный, набитый застывшими, яркими моментами или черно-белым сплином от детских травм. Что-то хочется вспомнить, а что-то забыть навсегда.

– И что забыть?

– Забыть то, что не в силах забыть. Поэтому, я не придаю значения прошлому.

– Поделишься?

– Мы не настолько хорошо знакомы.

– Я бы исправил это, но не хотелось бы загружать тебя своими проблемами. Лучше скоплю их в себе, буду мытарствовать по пустым улицам, освященными тусклыми фонарями, напыюсь вусмерть, перекручу все возможные варианты диалогов, которые бы я мог закончить иначе, будь во мне достаточно уверенности, вспомню нелепые, трагичные и постыдные ситуации, произошедшие со мной, вгоню себя в еще большее уныние, подкрепив депрессию, разобью что-нибудь в доме, ударю от отчаяния кулаком по стене так, что он будет болеть еще неделю, пущу скупую слезу, закричу на весь ёбанный мир и себя самого, и под утро, со сдавленным, твердым,

жгучим сгустком, сковывающим мою грудь, завернусь в одеяло, чтобы прикрыть глаза на несколько часов, со стойким желанием больше никогда не просыпаться.

– У тебя что, бегущая строка текста появляется на глазах?

– Не знаю, с чем это связано. Всю жизнь мечтал вести высокопарные диалоги, как в фильмах и книгах, вот и наточил язык, – отвечаю, пожимая плечами.

– Да, их в жизни и правда редко встречаешь. Особенно в этом месте, где человек, способный произнести одно короткое предложение, состоящее не только из одного мата, может считаться писателем. Тем не менее, спасибо, что предупредил на счет своих тараканов.

– Похоже я наболтал лишнего. Не очень удачное начало беседы.

– Вполне сносное. Главное, не говори это на первом свидании. Поймут неправильно – примут за психа, поймут правильно – пасмурно согласятся с вышесказанным и вскроются прямо за столом.

– Стало быть, ты – исключение?

– Да. Пока ты меня интригуешь. И ты в каком-то смысле исключением являешься тоже, потому что до сих пор не покинул мою компанию, которая в дальнейшем может показаться тебе не самой приятной.

– Чем же?

– Я не лучший человек для чего-либо. Поймешь позже, если захочешь видеться и дальше.

Я невольно улыбнулся краем губ. Забавно, ведь я думаю о себе точно также.

– Так, у нас не свидание и не встреча. Что же? Новое знакомство? У меня такое только в крайних случаях, – говорю.

– Сейчас очень крайний случай, потому что я никого не ждала. Но появился человек, который не надоел мне в первые минуты разговора.

– Да, мы явно сидим здесь, как два последних человека на краю Вселенной, случайно наткнувшиеся друг на друга.

Она опять улыбнулась, обнажив верхний ряд белых зубов. На переднем был скол, который, как ни странно, добавлял шарма общей картине.

– Тогда, если мы все еще общаемся, могу ли я узнать твое имя? – спрашиваю.

– «Имя, что есть имя. Роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет», – процитировала она Шекспира. Для себя я – это «я». Для меня ты – это «ты». В тоже время для себя ты – это «я», а для тебя я – «она». Очень занимательно, не находишь? Имена в большинстве случаев жутко дурацкие, скучные и ограниченные. Даруют его тебе родители, а ты носи, годясь скрытым в нем смыслом, либо меняй, вот только на что? Если никто из них не ты, а уже множество кого-то другого, живших, живущих, будущих жить вне зависимости от тебя. Придумай свое – и ты изгой, странный тип, у родителей которого разыгралась фантазия, которые возомнили себя особенными, отстраненными от общей массы обычных

людей, – заканчивает она, залпом выпивая остатки пинты.

Она довольно умна. Необычно мыслит, что полностью меня погружает в ее слова, в которые интересно вникать. И это здорово, потому что делать вид, что ты с упоением слушаешь очередной бабский треп обо всем на свете и кивать каждую минуту, у меня нет желая.

– Почему бы и нет. У меня есть привычка забывать имена людей сразу, после того, как они его мне произнесут, так что это может улучшить ситуацию. — Я так понимаю, что остальная личная информация по поводу друг друга нам не понадобится?

– А зачем? Хочешь узнать сколько мне лет, кем я работаю, где живу, на что трачу свободное время и расспросить про увлечения? Можешь попытаться, только что эта информация тебе даст? Краткое содержание человека N. Считаю, что люди должны как можно дольше не задаваться подобными вопросами, а обращать внимание исключительно на информацию, которую ты получаешь сейчас. Только так можно здраво составить правильную картину о человеке в первые часы беседы.

– Люди те еще параноики. Им необходимо знать этот перечень на всякий случай, чтобы потом можно было как-то этим воспользоваться. Мужчины вообще, как известно, «непременно хотят знать то, что может им причинить боль». Однако идею поддерживаю.

– Хорошо, что я не получила обратной реакции, полной

возмущения.

– Как же тогда обращаться друг к другу? – задаю очевидный вопрос. — Будем являть собой олицетворение названия антиутопии Замятина, обращаясь на местоимения?

– В нашем распоряжении целый алфавит. Возьми две, парочку. Или хоть всеми называйся в разном порядке. Ведь существуют прозвища, так кто нам запрещает придумать имена?

– Тогда это должно быть что-нибудь важное, подчеркивающее твой характер, я полагаю?

– Может да, а может и нет. Я – Эс, приятно познакомится, – протягивает она руку, подняв приветственно брови.

– Эс? Звучит, как задница по-английски.

– Дурак. Я люблю писать сочинения. Или, могу предложить версию, удобную для твоего взгляда – сокращение от одного фруктового, кисло-сладкого пенного напитка. Такой я вижу себя.

– Хорошо звучит. Я даже и не знаю, что придумать.

– Прояви фантазию, – сказала Эс и стала выжидающе рассматривать стену, без спроса потягивая мой виски.

– Ладно, пришел мой черед возродиться с новым именем, – сказал я, помедлив пару минут. — Пусть будет – Соу, – сказал я, ожидая оценки.

– Сомневаешься?

– Вроде того. В сомнении кроется правда. Если взять любой момент из моей жизни, где я хоть на секунду усомнился

в правильности моего решения и не поспешил его изменить, следуя подсказкам, поступающим из недр моего разума, то все кончалось одни и тем же – я совершал ошибку. Появившееся сомнение даже в самых, как нам кажется, очевидных вещах, с огромной вероятностью может стать той самой истинной, упущенной по типичной человеческой глупости, – заключил я.

– Поздравляю с новым рождением, – кивнула она головой.

– И что же теперь, а? Треснем по молоку с ножами и насладимся старым добрым ультранасилием?

– Можно просто поговорить.

– Да, это идея определенно лучше.

Время летело незаметно. День плавно сменялся вечером, выпивка приходила и уходила, пепельницы под завязку наполнялись окурками, а мы не переставали говорить.

Не просто обо всем. Обо всем, что действительно заслуживает глубоких рассуждений. Мне всегда нравилось говорить с самим собой, поднимая на рассмотрение важные вопросы. Но делать это вместе с другим человеком, который способен держаться на твоём уровне развития, а, порой, даже превосходить его, – невероятное удовольствие.

– Кажется, ты мне чертовски нравишься, – выпалил я.

– Ха, так говорят все, кто знаком со мной короткий промежуток времени, – ухмыльнулась Эс. — Практика доказывает, что терпеть меня продолжительное время не может практически никто. Поэтому все заканчивается быстро и безбо-

лезненно. Для меня.

– У меня стойкое ощущение того, что я справлюсь.

– Со мной трудно. Привыкай, если хочешь и дальше продолжать общение, – поставила она перед фактом. — Я сумасбродная, сумасшедшая, импульсивная представительница класса сложных людей. Противоречу сама себе, спорю, даже когда не до конца уверена в своей правоте, качественно и со вкусом выношу мозги, паранойю по пустякам, заражая этим чувством каждого, находящегося рядом, приписываю себе психические заболевания, а потом пытаюсь от них избавиться, пью, как не в себя, закидываю кучей таблеток от всего и сразу, терпеть не могу общение по телефону, а также очень хорошо готовлю, – резюмировала Эс и отправилась в туалет.

Не до конца переварив все сказанное, я просидел неподвижно в раздумьях до ее возвращения. Не скуренная сигарета дотлела до основания и обожгла мне палец, приведя в чувство. Я тут же закурил новую.

– Так и быть, посмотрю трудностям в лицо, какими бы они ни были, – говорю ей по возвращении.

– Дело твое, ты меня услышал. Сказала это на случай дальнейшей перспективы, в которой бы мы теоретически встретились, и через пару лет совместной жизни ты для себя внезапно осознаешь, что я для тебя слишком невыносима, чтобы и дальше пересекаться со мной хотя бы в пределах одной галактики. Будет лучше обрубить с корнем любую связь

на начальных этапах, пока никто из нас не успел привязаться друг к другу. И тогда никто не будет разочарован и убит горем утраты, – пояснила она свою точку зрения, достав из пачки очередную, тонкую, как спичку, ментоловую сигарету.

Ну и дела. Пришел убиться в хлам без дальнейших увеселительных программ, а в последствие жалеть себя. А что я получаю? Внимание удивительной особы, являющейся почти полным отражением меня самого, только с милым одухотворенным личиком, нарисованным утонченными чертами. С первого взгляда и не скажешь, что Эс может быть тем, кого она мне вкратце описала.

Любовь с первого взгляда? Ну-ну. Поверхностное суждение, не более. С той же вероятностью она могла действительно оказаться проституткой или обычной пустышкой в красивой оболочке, что прячет под собой совершенно примитивную персону. Тем не менее, мне было комфортно, я даже чувствовал какое-то тепло внутри себя. Тепло, желающее подняться вверх по пищеводу. Только не это.

2

Мой день начинается с боли. Настолько сильного морального недомогания и паршивого душевного истощения, что в прямом смысле становится больно физически. Больно открывать глаза, поворачиваться, вставать с кровати, готовить себе кофе, дышать и думать. Все, от начала до конца.

«Waking up is harder, than it seems».

Утром не сильнее всего не хочется жить. Нарезая колбасу с сыром для бутербродов, я с искривленной улыбкой поглядываю на нож.

С таким же пристрастием я смотрю на бесчисленное количество таблеток, разбившийся бокал, огромные тупые предметы, петли и крыши высотных зданий. Все, что в кратчайший срок может прекратить мои мучения, заставить замолчать голоса в голове, нескончаемо твердящих о моем жалком существовании, прогнать духов,двигающих шторы и калечащих меня по ночам.

Мне нехорошо. Чертовски нехорошо. Только смельчак рискнул бы описать данное душевное состояние, кроме меня самой. Но если бы он это сделал, то, узнав об этом, он бы почувствовал, насколько мала Вселенная подле милого личика, таящего в себе тоску и скорбь за все человечество.

Я устала. Устала терпеть inferнальную боль от пропитанных потом и едва живых, но уже на грани смерти, планами на будущее, от сковывающих стен квартиры, от несбыточных надежд и мечтаний, от мнимой воли делать что угодно и выбирать что угодно, от боли за потерянное поколение, только уже свое, от рушившихся моральных ценностей, от ложных системных ценностей, от той черной густой маслянистой несформировавшейся массы, что находится у тебя в голове, полной мыслей, чувств, эмоций, переживаний, страданий и страхов, желаний и возможностей, талантов и потенциально успешных идей, что нужно как-то структурировать

и каталогизировать, компактно сложить в одну емкость, укутав в красивую обертку.

Единственная вещь, все еще держащая меня в этом мире – возможность испытать настоящее неподдельное счастье.

Вернее, вернуть тот момент, когда оно было утрачено. Это не избавило бы меня от всех существующих терзаний, нет. Это бы помогло мне отодвинуть их на второй план, спрятать на чердак презрения к самой себе, заставив их скапливать пыль во тьме. Это сделало бы меня легче, подъемней, свободней, полной надежд не только на завтрашний день, но и на долгое, светлое будущее.

Служат ли такому состоянию пантеон психических устройств, не дающий заснуть по ночам, принимающий сигналы из космоса, транслирующий их через слуховые отверстия, выскребающий ржавым гвоздем изнутри черепной коробки египетские символы, сакральные знаки, магические рунные надписи, в дальнейшем переводившиеся в обычные человеческие мысли?

Или внутренняя скверна, черная и скользкая, растекающаяся по телу, словно смола по молодому, изрубленному дереву, призывающая ненавидеть каждого тупого гондона на этой планете, потому, что они действительно это заслуживают, и уж если бы кто стал по ним плакать, так это еще более тупые гондоны, запустившие дегенеративный инкубатор по оккупации мира имбецилами.

А может, это была обычная, абсолютно ничем не выдаю-

щаяся, простуда, в очередной раз подорвавшая иммунитет, что сделало выполнение рутинной работы непосильной задачей?

Ложась спать, у меня начинается сослагание всякого бреда, кардинально

меняются мысли, взгляды, мнения на те или иные вещи, что буквально доводит до истерики и осознании полной бессмысленности своих действий, неправильного подхода к вещам.

Даже оправдание этих загонов малой значимостью в космическом масштабе не изменяет ситуацию.

Утром этого как будто и не было. Однако, существует премерзкая средняя стадия между данными двумя элементами – кошмары.

Кошмары – самая малая из присутствующих проблем в моей жизни, которая доставляет мне массу дискомфорта. Не сказать, что это такая уж непереносимая вещь, но привыкнуть к этому практически невозможно. Кому-то, может быть, удастся, но только не мне.

Каждый день мои сны выстраивают многоуровневые лабиринты из всех неприятных мне воспоминаний. Психоделические коктейли из подсознательных страхов множатся, собираются в группы, чтобы коллективно подавить во мне меня саму. Стереть личность. Лишить собственного «я»

Абсурд? Возможно.

Возможно, я перебарщиваю с легкими наркотиками, вы-

падаю из жизни на недели, месяца, погружаясь в бесконечную череду блаженства, сменяемой зубодробительным кайфом. Закидываюсь в перерывах между работой. Переживаю, в прямом смысле, недельную ломку в запертой комнате без еды и воды, разговаривая с Богом и его сыном, пока мое тело пронзают миллионы раскаленных игл, перекручивают в мясорубке, сдирают кожу, ломают кувалдой кости и высасывают глаза через соломинку.

Возможно, я злоупотребляю алкоголем. Очень сильно. Вливаю в себя тонны вина с утра до ночи и не пьянею, потому что уже выработался иммунитет. Спустя время, чувствуя упавший на себя весь гребаный мир, ненадолго разлеплю глаза, чтобы потом проспать несколько дней подряд. И, наконец, проснувшись от длительной спячки, рыдаю.

Возможно, я не глядя закидываюсь горстью таблеток от каждого недуга. Существующих или нет, какая разница? Придумывая себе болезнь, она начинает, так или иначе, проявлять свое действие. И с каждым разом, мутируя, она убеждает тебя в том, что это еще начало самого плохого.

Возможно, я слишком часто принимаю попытки самоубийства, но слишком эгоистична, чтобы покончить с собой. Отчаявшись, причиняю себе боль острыми предметами, чтобы почувствовать хоть что-то, убедиться, что все еще жива. Мое тело испещрено шрамами, внутренними и внешними, но я научилась их не стесняться. Прошрое нужно уважать, каким бы оно не было.

Возможно, я морю свое тело голодом, пытаюсь вместе с жиром, которого у меня практически никогда не было, избавиться от внутренних демонов, приходящих ко мне по ночам.

Возможно, я разочаровалась во всех отношениях, в которых мне не посчастливилось побывать, из-за того, что сама прикладывала усилия у тому, чтобы меня как можно скорее бросили, не чувствуя вину за решение, которое я перекладывала на другого. Ведь я знаю свою своевольную натуру и то, что рано или поздно любая связь, будь она тверже алмаза, обращается в прах. Именно поэтому мне легче закончить все в самом начале, не чувствуя горечь утраты, любимого мной когда-то, человека.

Возможно, я нону крест на шее, несмотря на то, что не являюсь верующей, из-за моих долгов перед людьми. Грешница – слишком слабое описание меня, скорее похожее на комплимент.

Воз и маленькая тележка таких вот «возможно», тянущих за собой на дно. Дно столь глубокое и темное, что, предприняв попытку подняться с него, ты вмиг будешь погребен еще ниже зыбучими песками собственных иллюзий.

«Hide my head I wanna drown my sorrow.»

Образы, видения, галлюцинации, уродливые тени в углах комнат, дурные мысли, хорошие мысли, мысли о будущем – мрачные призраки упущенных возможностей.

Я давно научилась с этим жить и бороться. Еще с детства.

Когда отец в моем присутствии мог смотреть фильмы эротического содержания, шевеля одной рукой у себя в штанах, а другой подзывая меня к себе. Мать грезилла безуспешной идеей сделать из меня леди, носясь за мной по дому с желанием потушить об меня сигарету за то, что родилась дочерью, клейменной неоправданными ожиданиями.

В насквозь прокуренном доме, я засыпала на грязном диване под фон идущих по телевизору в соседней комнате сборнику фильмов ужасов, звук противной, до скрипа ушах, металлической музыки и громкую еблю родителей.

Потом им взбрело в голову отправиться в небольшое семейное путешествие, не включающее мое присутствие. С тех пор я их больше не видела. Как в той истории из «Симпсонов» про отца, ушедшего за пачкой сигарет.

Только это была реальная жизнь. Подросток, оставшийся один без средств к существованию, в квартире, которую в скором времени отберут за неуплату долгов.

Но я всегда была сильной. Всегда находила выход из сложных ситуаций. Я нашла работу, на которой, с горящими фальшивым интересом глазами, по полной выкладывала себя, нашла новые знакомства, поддержку друзей, которых я озаряла своей лицемерной маской напускного жизнелюбия, общительности, доброты, бескорыстности и прочих вещей, от которого меня тошнило по ночам.

Добившись практически всего, я была нужна всем, а мне – никто.

Я бомба замедленного действия, готовая рвануть в любой хреновый момент, сделав его еще хуже, поразив на своем пути все живое, имеющее какие-либо чувства, достав из них внутренности со всеми ей присущими эмоциями, оставив бездыханную пустую оболочку обессиленного отвращения и ненависти.

Поэтому, я не самый лучший человек для чего-либо. Встретив меня, вы не забудете моего лица, но пожалеете обо всем. Будете проклинать каждую минуту общения со мной, сожалея о том, что вернуть их уже никак не получится.

Лучше уходите. Закрыв за собой дверь, бегите далеко без оглядки и больше никогда в нее не стучитесь. Таков мой первый совет тем, кто решает выстроить со мной длительные и прочные взаимоотношения.

3

– Ты в порядке? – спросила Эс.

Но я уже не слушал. Пошатываясь, сквозь пелену и туман в глазах, пробираюсь к туалету с сильным приступом рвоты.

От вида антисанитарного помещения, представляющего точную копию сортира из фильма «На игле», меня тошнит еще сильнее. Кружится голова, и я поскальзываюсь на луже мочи, едва не ударившись затылком об раковину. Смерть посреди испражнений разных видов смотрелась бы не очень стильно.

Нельзя терять формы, показывая себя в дурном свете. Да,

интоксикация может случиться с каждым, но не хочу, чтобы Эс видела во мне хоть каплю слабости.

Умывшись холодной водой для отрезвления, приглаживаю волосы, бью себя по щекам, закидываю в рот две пластинки жвачки, отряхиваюсь, выпрямляю координацию тела, фокусирую глаза, закрепляю мимику лица, и статно, как будто бы ничего не произошло, возвращаюсь обратно в зал.

– В порядке, – говорю, усевшись. — Накрыло немного с непривычки, может, плохая погода или побочное действие нахождения в скверной лечебнице, как знать, – отшучиваюсь я.

«I got a fistful of whiskey, the bottle just bit me. That shit makes me bad shit crazy».

– А ты попробуй снять свой дурацкий плащ, для начала. Здесь довольно душно.

– Хорошая мысль.

Под плащом у меня насквозь соленая от пота черная рубашка. Надеюсь, естественный запах самца, давно не принимавшего душ, растворяется в табачном дыме и алкогольных испарениях. По крайней мере, выражение ее лица не говорит о том, что от меня пасет, как от осла.

Эс последовала своему же совету и сняла кофту.

– И что ты там делал? – спрашивает она, опершись на спинку дивана.

– Небольшой инцидент с потерей памяти.

– Как собираешься решать проблему?

– Я должен вспомнить что-то. Пока что, это вся доступная мне информация.

– Значит, прогресса нет. Есть идеи, насколько это было важно?

– Ни одной.

– Или ты всего лишь запомнил какой-то незначительный эпизод из жизни?

– Может быть...

– Что может быть?

– И то и другое.

– А если точнее?

– А если точнее, то... То я даже не помню, как добрался до этого бара. Хотя все это было не так давно. Странно... Более того, мне трудно вспомнить ее местоположение, очертания, декорации. Сейчас это напоминает очень важный сон, который крутится у тебя в голове, но который ты никак не можешь вспомнить.

– Да, память у тебя рыба. Ты и в правду не помнишь? Это же я, твоя двоюродная сестра, навещавшая тебя в течение года, пока ты был в коме! – вскинула она руки.

– Животики надорвешь, – пасмурно ответил я.

– Я правильно делаю вывод о том, что ты пытаешься вспомнить то, не зная что, придя от туда, не зная откуда?

– Эмм... Да, полагаю.

– У тебя есть хоть что-то, чтобы подтверждало твои слова?

Немного поразмыслив, я вспомнил о записке. Протянув-

шись к плащу, я пошарил в карманах и достал из его недр листок с текстом, наскрябанный нечитаемым почерком, и протянул его Эс.

Краткий перечень информации был таков:

«Уважаемый пациент, напоминаю известие касательно вашего здоровья, подорвавшееся внезапной вспышкой амнезии, на случай, если Вы запутаетесь в себе, как это случилось здесь:

Вы были доставлены в лечебницу одним из Ваших знакомых, который предпочел остаться анонимным. По его уверениям Вы пребывали в состоянии отрешенности и полного забвения, не помня многих имен и событий, в том числе того, по которому вы здесь оказались.

На случай, если упустите фрагменты нахождения в нашей лечебнице, спешу сообщить о том, чтобы Вы ни в коем случае не беспокоились. Это всего лишь побочный эффект таблеток.

Завершение процесса теперь зависит полностью от Вас и Ваших дальнейших действий».

– Чувствуешь? – спросила Эс.

– Что?

– Пахнет детективной историей. И тем, что сейчас ты непременно решишь угощать меня выпивкой до тех пор, пока я не лопну, как мыльный пузырь от касания иголки, ведь тебе определенно понадобится моя помощь, – с улыбкой сказала она и приподняла бокал на уровень виска.

– Не уверен, что ты сможешь чем-либо помочь, – пессимистично отвергаю я помощь.

– Без меня ты бы и не вспомнил о том, что тебе нужно о чем-то вспомнить, умник, – важно подняла она подбородок.

– Да, спасибо тебе и все такое, но дальше я сам. Не хватало нам еще в Шерлока с Ватсоном играть.

– И кто из них я?

– Миссис Хадсон.

Эс вытаращила на меня большие глаза.

– Вот так значит? – спросила она язвительно. — Всю награду себе хочешь присвоить?

– О какой награде речь? Тебе есть дело до моего прошлого? По-моему, ты сама поднимала эту тему, а теперь опровергаешь собственные слова.

– Со мной сложно, я говорила. Думаешь, что, просидев здесь столько времени за светскими беседами и узнав под вечер что-то необычное, достойное рассмотрения, я просто сдам назад и оставлю тебя в покое?

– Хорошо, – терпеливо соглашаюсь. — Есть догадки?

– Что ты уже вспомнил?

– Я помню отрезок времени до попадания в лечебницу. Как обычно сидел здесь и занимался тем, что умею лучше всего. Больше ничего. Это и логично, ведь у алкоголиков часто случаются провалы. Не удивительно, что я больше ничего не могу воспроизвести.

– Думаю, нужно копать глубже. Кто, теоретически, мог

сделать это ради тебя?

Я выдержал паузу длинную в жизнь и продолжил:

– Друзей у меня больше нет. Последним вычеркнут из этого списка был друг, знакомый мне с детства, с которым я давно не общаюсь по определенным причинам. С матерью не виделся уже несколько лет, несмотря на то, что живем в одном городе. Также по определенным причинам. Отец живет своей жизнью, а ближайших родственников уже нет в живых. Бывшую девушку, которую я бросил из-за ее измены, можно вообще в расчет не брать. — Зачем вспоминать то, что я предпочел бы на полном серьезе забыть? Единственно важный вопрос в этой данцовской истории: «Зачем кому-то из них это было нужно?». И он мне не особо интересен.

– Скучный ты. В твоей жизни произошло что-то, что может оказаться событием, перевернувшим твои взгляды на некоторые вещи, изменившим твою сущность, отношения к людям, образ мыслей, преподнесшим новый источник вдохновения, после которого ты написал бы книгу. Что-то, что ты забыл.

– Мне, конечно, интересно, как современное чтиво будет восприниматься будущим поколениями. Насколько, оставленные людьми-сегодняшними, произведения будут сатирическими, социально актуальными для людей-завтрашних. Будет ли в них тонны скрытого смысла, недоступному обычному ученику средней школы, но уже открывшемуся учителю на уроке классической литературы. Будем ли мы также

перемывать все кости любимившемуся всем роману. И так ли муторно, почти после каждого предложения, описывать окончание тона монолога, дающее понять настроение или действие говорящего персонажа. Но не настолько, чтобы докапываться до правды, которая, вполне вероятно, может заключаться в том, что я гей, например, – окончил я, почувствовав сухость во рту.

– Еще и зануда, – сказала Эс, закатив глаза. — Так и быть. Может, это действительно того не стоит.

– Наконец, – выдохнул я. — Давай больше об этом не говорить. Что там случилось когда-то со мной и зачем это когда-то пытаются мне помочь вернуть – я не знаю и знать не хочу. Я, по большому счету, плевать хотел на все предыдущие события в моей жизни, потому что они приносили одни неудачи. А уж вспоминать их и вовсе не имею тяги. Уверен, что это было очередной и необычайно «невероятный» эпизод, вроде скучных серий в сериалах, которые созданы для того, чтобы увеличить хронометраж.

– Как знаешь. Настаивать не буду.

– Все, что я хочу узнать, и все, что мне интересно на данный момент – уже находится напротив меня.

– Чересчур сентиментально, но мило, – сказала она, повернув голову в профиль.

Минут пять мы провели в молчании.

Комфортном молчании, знаете, а не то молчание, сотрясающее воздух, от накала которого хочется поскорее изба-

виться или провалиться сквозь землю.

Говорить можно с кем, когда и сколько угодно. Но умиротворенно помолчать, на мгновение оторваться от реальности, уединившись в своих мыслях, имеет возможность не каждая компания.

Так продолжается еще какое-то время. Мы сидим напротив, изредка посматривая друг на друга оценивающими взглядами, беспрестанно курим и потягиваем свои напитки. Идиллия в чистом виде.

Никто не нарушает покой предающихся гедонизму Адама и Евы, съехавших от родителей Ромео и Джульеты, соскачивших с наркоты Сида и Нэнси, угнавших в закат на бронированном форде Бонни и Клайда, остановившихся у ближайшего бара опрокинуть пинту-другую, а может и больше.

Уже без прежнего стеснения рассматриваю Эс, отрывая взгляд лишь тогда, когда ее большие глаза ловят меня на этом занятии. Она словно играет роль учителя, знающего, что ты списываешь на экзамене, но специально делающая вид, что ничего не замечает, давая незадачливому мальчишке небольшой шанс.

В вопросах, касающихся женщин, обычно принято расплываться скопом заезженных эпитетов, ворохом неподражаемых сравнений и тонной оригинальных метафор. Пальму первенства по слащавости занимает одухотворенные стихи, которые мне никогда не давались.

Поэтому, вооружившись своими многозначительными

высказываниями, отчасти сносным слогом, тончайшим, как лед весной, сарказмом, невероятно высоким интеллектом, высшим образованием в степени магистра по флирту с противоположным полом и, разумеется, огромным самомнением, я спешу немного раскрыть все тонкости этого неувядающего букета цветов, сидящего передо мной:

Голова покрыта черными шелковистыми волосами, обрамляющими ровный овал бледноватого лица; высокий и чистый лоб; чайка подобные подкрашенные брови; миндалевидные изумрудные глаза, под одним из которых удобно располагается родинка, и, которые, кажется, способны поглотить своим размером и гипнотизмом; аккуратный нос; ярко выраженные скулы; острый, как бритва, подбородок, от взгляда на который можно буквально порезать сетчатку; губы – визитная карточка многих женщин, но в случае с Эс самому да Винчи не хватило бы жизни, чтобы со всей точностью запечатлеть эти розовые лепестки с кошачьими уголками; шея, ведущая тонким мостом к стройной фигуре, пикантным контурам тела, пышным грудям и двум упругим полушариям снизу, что мне посчастливилось разглядеть, когда она отлучалась в дамскую комнату; завершением композиции являются грациозные ноги.

Имея лишь малое понимание осмысленности своего существования, приятно находиться в ожидании какого-то интересного события, которое должно произойти в ближайшее время.

Будь то случайно найденный кошелек, под завязку набитый деньгами, поход на культурно-развлекательное мероприятие, судный день. А значит, еще есть повод вставать по утрам. Но, в конечном итоге, не так важно само событие, главное – с кем ты его разделишь. Если бы мне предложили этого кого-то, то в первую очередь я бы рассмотрел кандидатуру Эс.

И мне сейчас хорошо. Даже очень. Несмотря на непрошедшие рвотные позывы, я очень давно не испытывал такой легкости, непринужденности и открытости в общении. Я однозначно в своей тарелке.

– На что засмотрелся, мистер? – прервала она мои влажные фантазии.

Похоже, последние несколько минут я в упор на нее пялился, пуская слюни.

– Чего? Да... Так, задумался. Люблю думать, знаешь, – смолол я полную херню.

– Хотя бы делай это с закрытым ртом, мыслитель.

Мне ничего не оставалось, как стыдливо упереть взгляд на, внезапно ставший занимательным, стол.

– Расслабься, я просто шучу, – сказала она, махнув миниатюрной ладошкой. — Похоже, я тебе интересна. Вот только какого рода этот интерес? Телесно-одноразовый или имеющий платонические мотивы?

– Скажем так, если бы ты предложила мне встречаться, то я бы недолго раздумал над ответом. Благо теперь, спустя ку-

чу часов, что мы провели в этом месте, постепенно узнавая друг друга, мы вполне можем считаться полноправными любовниками. А я не рискую стать угрюмым дедом, преисполненным сожалений и умирающим в одиночестве бесконечного абсурда, который я каждодневно пытаюсь взорвать, – сказал я, подмигнув.

– Любовниками? – переспросила Эс, чуть не брызнув слюной.

– Да, Вы не ослышались, благороднейшая из женщин, чей идеал красоты является усладой для глаз моих, а голос – песней для ушей. Будьте моей женой, *ma cher!*

Мы оба не сдержали смеха.

– Ты забавный. И ты мне нравишься. С замужеством, пожалуй, можно повременить, но провести время где-нибудь еще, вдали от здешней рыгаловки я бы охотно согласилась, – с энтузиазмом сказала она.

– Да, было бы здорово, если бы в нашем городе было хоть одно достойное культурное заведение.

– Как насчет театра «У сквера»?

– Ходил туда еще подростком. Вполне сносный. Как сейчас там обстоят дела не представляю, но можно наведаться и выяснить.

– Беру на слове, – сказала на, прикусив нижнюю губу.

Мочевой пузырь снова атаковало пиво, поэтому я был вынужден сдать без боя и пойти в туалет. Пока ходил, выносил в себе несколько комплиментов, которые обязательно

должна оценить Эс.

Но, по моему возвращению, вместо нее на диване сидел и кружил вокруг стола невероятно стойкий и, скорее всего, дорогой парфюм, благоухающий всеми приятными вещами на свете: огромным букетом свежесобранных цветов, ветром в зной летний день, мяукающими котятками, улыбками детей, ломящимся от еды столом, безбедной жизнью и безграничным счастьем.

Я простоял несколько секунд в полном недоумении, пока не разглядел среди горы стаканов, бокалов и пепельниц белую салфетку, на которой тушью было выведено послание: «Советую тебе начать решение вопроса со своей памятью, а потом, как бы невзначай, пригласить меня в театр. Если согласен, жду завтра в шесть вечера на этом же месте. Спасибо, что оплатил счет».

Перевернув салфетку, я увидел, красующийся на ней, темно-красный след от поцелуя.

Пожалуй, я слишком пьян, чтобы негодовать от подобных выходов.

Сунув салфетку в карман, я расплатился уже трясущимися руками и вышел на улицу, начав, пошатываясь, пробираться сквозь тьму и холод.

Дальнейшие события моего путешествия были сокрыты от меня банальным отшибом памяти. Пришел в сознание я, лежа на спине у входной двери, вдыхая скопившуюся пыль, запах невыброшенных отходов и дома, запах у которого для

каждого имеет свое описание.

Практически взяв себя за длинные волосы, как Мюнхгаузен, я пытаюсь закончить поход и разбить лагерь, водрузившись на царские хоромы.

На пути в спальню в нос прилетает резкая и прямая, как удар кулака, вонь разлагающейся плоти где-то на кухне.

Блядь, бедный кот. Совсем о нем забыл. Наверно, это и была та важная вещь, которую я должен был вспомнить и не забывать кормить.

Неважно, будет прекрасная возможность снова увидеть Эс и поведать ей о моей догадке. Главное не забыть свое новое имя.

Оставив дела бытовые завтрашнему мне, без сопротивления отдаюсь в железную хватку Морфея.

4

Неброский макияж в виде черных стрелок, идущих вбок от удлиненных ресниц, светло-красной помады, блесок и легкой припудренности для подчеркивания контура лица. Волосы завиты и залакированы. Светло-темное платье, кофта по погоде и туфли на толстой подошве.

В выборе одежды и имиджа я строга, но не критична. Никаких «мне не подходит это, потому что оно меня полнит, так что я перемеряю еще с десятков схожих тряпок».

Никогда не останавливаюсь подолгу в одном магазине. Если понравилась вещь – беру. Не зависимо от цены. Такая у

меня натура. По большей части, мой вид и поведение всегда схожи по стилю песне «Опиум для никого».

С другой стороны, это и к лучшему. У меня всегда найдется то, что нужно на случай смены погоды, перемены настроения, официального банкета или работы, вечеринки, всплеска чувств, депрессии и попыток суицида.

Но я все равно практически никуда не хожу, так что это груда платьев висит в шкафу по несколько лет.

Никуда, кроме того злополучного бара. Не то, чтобы в нашем городе был дефицит подобных заведений, наоборот их даже слишком, но все, как назло находятся за три звезды от моего дома. А ковылять пешком, тратить деньги на такси, или, не дай кто-то там, совершить лишнюю поездку на общественном транспорте – для меня слишком нервозатратно.

Тем не менее, данное заведение достойно памятника своими историями, происшествиями и странными событиями, которые, кажется пересказывают еще с прадедовских времен.

Обновленное, отштукатуренное, отдекорированное местечко, которое слыло дырой – так ей по сей день и является.

Еще это дурацкая вывеска, которую не могут починить добрую сотню лет. Всякий раз встречает меня буквами с оставшимся неоновым освещением – «Агир». Полное название «Багира». Весьма странное для обычного бара с пропойцами.

Изначально здесь было что-то вроде ресторана средней

руки, и, следуя из названия, по моему мнению, как в известном мультфильме про Маугли, он должен был погружать ново пришедших посетителей в свою атмосферу дикой флоры и фауны, согревать теплом и заботой, принимая в дальнейшем в стаю.

Но еще вероятнее то, что у владельца просто не хватило фантазии.

Но у меня-то ее хоть отбавляй. И когда при входе до меня доносятся запахи спертого воздуха, пота, паленого алкоголя и смрад местного туалета, созданного точно не для того, по какому назначению его используют сейчас, у меня в голове рождается не самая приятна из картин. Нечто вроде группового копрофильного инцеста старых монашек на людной площади в присутствии детей-инвалидов.

Однако есть и положительные стороны. Например, второй зал – для людей, желающих напиться до необходимого душевного состояния, обсуждая глобальные, по меркам своего развития, проблемы. Что отделяет от контингента из первого – мутантов, сидящих поближе к святому источнику, докучающие бедному бармену и устраивающие пьяные потасовки, больше похожие на вальс без партнера.

Насколько уже все знают, желанием каждый день заводить новыми приятельскими отношениями я не горю. Да и относительно моего прошлого я уже не такой общительный человек.

Когда впитываешь, словно губка, любой поток информа-

ции от нескончаемо появляющихся людей в твоей жизни, в определенный момент в тебе просто кончается место. Теперь, испытав горечь поражений, лжи и обмана, способные принести каждый из людей, я более избирательно отношусь к самому человеку и словам, вылетающим из их грязных уст.

Но совсем замыкаться в себе, становясь отшельником в деревянном домике на краю озера тоже не самый лучший вариант. Нужно находить баланс между «нахуй ты со мной разговариваешь» и «я не общалась уже несколько часов, нужно срочно до кого-нибудь доебаться». Благо это у меня всегда получалось, но отнюдь не приносило удовольствие.

Не знаю. Обычно это всегда было связано с тем, что я не переношу счастливых людей. Потому что по большей части они лизоблюды, фальшивы, как и смех над дурацким анекдотом.

Но искреннюю улыбку настоящего выражения радости я обожала всегда. Просто потому, что ее нельзя подделать, иначе это сразу бросается в глаза, отворачивая от тебя человека.

У Соу это получалось, что подтверждает его чистую равнодушие ко мне. Он шутил, но практически никогда не улыбался, иронизировал над самим собой, порой принося свои достоинства, рассказывал забавные истории, вещал о своей аполитичности, стойкой уверенности в отсутствии мистицизма, суеверий и вкуса у местных гренков, что, по его мнению, были приготовлены лет за пять до формиро-

вания планеты. Не скупился на комплименты в сторону моей внешности, ума, эксцентричности, а также подметил необычайное стечение обстоятельств, которое нас свело.

Впрочем, я отвечала ему тем же и во многих вещах была солидарна.

Что же касается моих талантов, то они умещаются на пальцах одной руки. На одном пальце одной руки. Я постоянно веду дневники. Пишу так красиво, как могу, обо всем, что было, есть, будет, что не произойдет и не случится точно, что я ощутила, съев клубничный пирог, что стало переломным моментом в моей жизни или началом ее конца.

Меня всегда затрагивали до глубины души личности персонажей и их истории, снабженные водоворотом ярких событий, вдохновлял стилистически разный подход к написанию текста, обороты речи и выразительные средства лексики, оставлял неизгладимое впечатление – у каждого свой, но всегда лиричный – слог автора, пронизанный любовью к своему делу.

Еще с детства, начитавшись большим количеством философов, китайской поэзии, литературы различных жанров, астрономии и мифологий, я начала задаваться во истину, трепещущими разум незрелого создания, осмысленными вопросами о жизни здесь, жизни по ту сторону, жизни за пределами обитаемого мира, о смысле существования.

Поэтому я стала писать, порой даже от мужского лица, чтобы решить уравнение, не подвластное всему человече-

ству, посредством усиленных мыслительных процессов и составления правильного порядка слов в предложения.

Потом стала писать очень много, что иногда приходилось отсеивать ненужное, перечитывать важное, составляя целостное повествование, у которого, как я думала, должен был быть логичный конец.

Но его нет до сих пор. Слова проходят тернистый путь от моих, не всегда здравых, мыслей и тонким слоем ложатся шариковой ручкой на белый лист бумаги. Пока что, я пришла только к одному выводу – почти все уже было когда-то сказано.

Мысли подобно генам передаются по наследству и перетекают из поколения в поколение. Почти все было обдуманно, переосмыслено и, пройдя сквозь паутину нейронной сети, вылило чернилами на потертую бумагу.

Возможно, когда-то некий наивный и не шибко смысленый недоидеалист-псевдоромантик-провинциал-и-просто-славный-малый-в-некоторых-делах, совершенно неизвестный никому кроме себя, своей персоны и его самого, отправлял почтовым голубем послание своей пассии, в некотором роде служившей для него музой.

Письмо было страстным, исполненным учтивости, благодушия, отчасти неловкости в высказываниях, но, непременно, огромной любовью, скрывающейся между строк и вырывшейся со станиц потоком теплого воздуха, греющего разум и сердце.

Если даму не настигла болезнь, то спустя продолжительное время, она получала это письмо, которое после прочтения аккуратно складывала в ящик стола, после чего расторопно писала ответ, думая о том, что, возможно, когда-то эти слова уже звучали. Может, более красноречиво, лаконично и утонченно, кто знает. Известно было лишь одно: в этом времени, в этот самый момент и в эту жизнь, какой суровой она бы ни была, они принадлежали ей и только ей, и это несомненно трогало ее до глубины души.

Порой это занятие кажется мне совершенно бесполезным. Но я переубеждаюсь в этом, когда создаю что-то, что приносит хотя бы малое эстетическое удовольствие моему глазу. Стихи, например:

Пишу потомкам, до которых это не дойдет.

Пишу тому, кто это не прочтет.

Пишу тому, кто одинок, расколот.

Пишу тому, кто смысла не поймет.

Пишу о тех, кто недостоин.

Пишу и тем, которых нет.

Пишу о тех, кого все любят.

Пишу и тем, любви в жизни которых нет.

Пишу, взяв на излом слова и рифмы.

Пишу, неоднократно изменяя смысл строк.

Пишу, заковываясь в панцирь бестолковой мысли.

Пишу, про берег пляжа, и как в полночь, почти бесслышно, сыплется песок.

Пишу, бродя по скалам, рифам, созданным сознанием.

Пишу, с упорством рассекая в воде соль.

Пишу, уверенно и ловко, проскользая под волной, без жизни риска.

Пишу, со дна поднявшись и оказавшаяся едва живой.

Пишу я все, что поддается переносу на бумагу.

Пишу я истины, чьим смыслом только слезы вытирать.

Пишу я, закрывая старый, шаткий дом на ставни, и в страхе ускользаю бегло вспять.

Пишу я, в угол кривенький забившись, и, обретя в конце концов покой,

сiju и с наслаждением наблюдаю за лицезрением меня Луной.

Теперь пишу о самых страшных муках, о том, что все пылает, рушится, гниет.

Теперь важнейшие решения возлагают вовсе не на тех, кто этого так ждет.

Теперь каждый из вас будет писать потоки мыслей, сквозь призму времени пройдя, стремясь найти истоки настоящих истин, и после этого начать отсчет с нуля.

Теперь я сделала довольно, прекратив страдать; теперь, оставшись здесь спокойно увядать, я больше никогда и ничего не собираюсь вам писать.

Спасибо за уделенное внимание, дамы и господа, откопавшие этот дневник, сохранившейся по удачному стечению обстоятельств.

Если вам понравилась меня читать, и вы, совершенно случайно, держите рядышком сборник из нескольких сотен других моих изречений и проповедей под разными именами, пожалуйста, не стесняйтесь и зачитывайте все до дыр, делитесь с друзьями и родными, прививайте чувство вкуса молодому поколению, давая им, в дальнейшем, одухотворить своих детей, и детей их детей!

Воздвигнув памятник нерукотворный, опубликуйте эти текста под моим именем и вознесите меня в ранг просвещенных, но так и не узревших суть мироздания.

5

Липко-сухое амбре утреннего похмелья и полная дезориентация в пространстве – спутники моей жизни, будящие меня жестким шлепком руки, приносящий головную боль, недомогание и непереносимое желание умереть. Встать прямо сейчас – значит автоматически привести его в исполнение.

Обычно, для улучшения состояния я ухожу в длительные

запой. Закинуть в себя несколько холодных градусов при пробуждении и полировать ими организм в течение дня проще, чем бороться с плохим самочувствием несколько дней, лежа на кровати с вертолетами в голове, как на смертном одре, глотая обезболивающие, жаропонижающие, сосудосуживающие и галлоны газированной воды, раздувая пузо до размеров небесного тела.

Но первый вариант, хоть короткий и быстродействующий, по описанию выглядит еще мрачнее второго. Просто потому, что звучит как «я не готов принять малейшие трудности и сложные периоды в моей жизни, поэтому лучше мне спиться к чертям и никому не докучать»

Так или иначе, но до вечера нужно привести себя в порядок перед встречей с Эс. Кажется, вчера, я планировал ей поведать догадку по поводу чего-то. Но вот какую? По пути в туалет для интоксикации организма, я вспомнил что, когда учуял запах с кухни, и сразу же решил свою насущную проблему.

– Кхэ, бляяя, – растеклись рвотные массы по всему коридору, оставив скользкую дорожку, как после проползшего недавно слизня человеческих размеров.

Я уже сейчас был готов выставить квартиру на продажу прямо в таком состоянии. Пусть в три раза дешевле, пусть мне пришлось бы несколько лет снимать маленькую халупу за гроши, пусть я даже, не имея возможности платить за аренду, жил бы в коробке на теплотрассе, но я, бля, никогда

и ни за что, не рушусь копаться в этой тухлой залупе. Фу, нахуй.

Быстро проскочив в ванну для стирки тела, я начинал постепенно переводить дух и возвращать ясность сознания. Конечно же, мне придется разбираться с этой ситуацией самому. Слишком уж я жадный для заказа услуг уборщицы.

Таким вот, не легко давшемся мне, решением было принято свершить свой долг перед священным животным, упокоив его по всем канонам.

Заткнув ноздри несколькими слоями ватных дисков, обработанных перекисью водорода, влетаю на кухню в поиске перчаток, пакетов, дезинфицирующих средств и половой тряпки.

Кот, судя по облезшей шерсти, подгнившими тканями и иссохшим глазам, пролежал в таком состоянии пару недель, как минимум. Странно, что соседи ничего не почувствовали.

А ведь я даже не утрудился придумать ему имя. Удивительно. Всегда по-важнецки называл его Мистер Кот или просто Кот. Как-то не придавал значению то, что животным тоже достойны носить имя. Но какое теперь дело.

Следующие пару часов шла жаркая генеральная уборка всего дома. Если уж начал избавляться от трупа, избавься и от следов, которые могут к нему привести.

Замотав черную, неповинную скотинку в несколько мусорных пакетов и упаковав ее в свободную коробку из-под обуви, сделав ее одновременно не живой и не мертвой, я со-

брался отправиться на улицу в поисках места для погребения.

Стоило мне нацепить плащ с ботиками и открыть дверь, как напротив меня материализовался, буквально из ниоткуда, безвкусно одетый, сухощавый тип среднего возраста с лицом старика, который держал понятую руку в направлении к моему звонку, как будто бы отдавал честь вождю нацистской Германии. И, чтобы вы думали? К его телу была прижата сраная коробка из-под обуви!

Я не удержался и прыснул губами от происходящего каламбура. Только представьте, что в этой коробке еще одиндохлый кот. А владелец, решил зайти к соседу за утешением, в прискорбной утрате друга человека, а этим соседом оказываюсь я – человек, который забыл его покормить.

Увидев мое повеселевшее лицо, странник никак не изменился в лице, как будто бы ожидал такой реакции.

– Что-то хотели? – спрашиваю от нетерпения.

– Вам посылка, – холодно ответил он.

– Я ничего не заказывал, тем более в старой обувной коробке.

– Мое дело – курьерская доставка. Я не осведомлен о содержимом. Мне не нужна оплата, Ваше имя, подпись и отказ. Если не желаете брать коробку из моих рук, я просто поставлю ее перед Вами и прослежу за тем, чтобы ее занесли за порог своей квартиры. Далее Вы вольны поступить с ней так, как считаете необходимым: узнать содержимое, сра-

зу выбросить, сжечь или оставить на хранение в шкафу. Меня это касаться не будет, – продиктовал он мне заученный текст.

Ну и дела. Похоже, Нэнси Дрю из бара была права насчет детективной составляющей. Все так таинственно и загадочно. Но интересней мне от этого не стало.

– Послушай, приятель, если там не находиться, как минимум, пара бутылок холодного Гиннеса, то ты явно ошибся с визитом ко мне и моей звенящей голове, – говорю с натяжкой.

– Это важно.

Я решил подыграть, встав в позу мыслителя, потирающего подбородок большим и указательным пальцем:

– Да, разумеется. Ты всего лишь посредник между кем-то и мной. Шестерка, которую гоняют по не особо важным делам. И вся это напускная загадочность только для поднятия собственно статуса в моих глазах. Придя сюда в таком жалком виде, ты заклеил меня особенным, который от таких как ты должен принимать посылки исключительно через своего телохранителя, а после давать тебе поз зад со всей дури, чтобы сомнений в том, что я могу наказать за любую провинность, у тебя точно не осталось. Ведь кто знает, что может находиться в коробке. Может, там храниться что-то, что во второсортных фильмах или беллетристике должно двигать сюжет вперед? Или какая-то памятная вещь, записка с угрозой, план действий по спасению дочери, голова жены, кноп-

ка, убивающая случайного человека, но дающая тебе миллион долларов, а может, просто хренова бомба, готовая пиздануть мне в лицо при открытии? Врагов у меня нет. Не должно быть. Но вдруг моя бывшая девушка решила таким образом напомнить мне о своем существовании, наложив в эту коробку кучку своего шлюшеского дерьма? Вдруг все люди на этом ёбаном свете, которым я когда-то насолил: злые бабки в общественном транспорте, одичалые матери-одиночки, готовые убить за свое чадо, свидетели Иеговы, фанаты комиксов DC, политические фанатики, существа с футболом головного мозга, любители нудных артхаусов про еблю свиной и прочие, прочие, прочие, решили отплатить мне огромным презренным подарком, содержащимся внутри? Все возможно! Все! Ведь я ненавижу, блядь, людей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.